

“Большим счастьем было для России, что в годы тяжелых испытаний страну возглавлял гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому жестокому времени того периода, в котором происходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, с несгибаемой силой воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе,

Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества, был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он создал и подчинил себе огромную империю, это был человек, который своего врага уничтожал своим врагом, был необычайно сложной личностью.

Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил

веческого характера... Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль и в определенном смысле наиболее эффективен из военных лидеров”.

А. ГАРРИМАН

“Коммунизм при Сталине завоевал аплодисменты и восхищение всех западных наций. Коммунизм при Сталине дал нам пример патриотизма, которому трудно найти аналогии в истории. Коммунизм при Сталине дал миру лучших генералов. Преследование христиан? Нет. Там нет религиозного преследования. Двери церкви открыты. Преследование национальностей? Совсем нет. Евреи живут там так же, как и все остальные. Политические репрессии? Да, конечно. Но теперь уже ясно, что те, кого расстреляли, предали бы Россию немцам”.

Лорд БИВЕРБРУК

“Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел “приручать” своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него было больше, чем поражений.

Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталина преемников обречено”.

Шарль Де ГОЛЛЬ

От лица Русской Православной Церкви и своего выражаю глубокое и искреннее соболезнование по случаю кончины незабвенного Иосифа Виссарионовича Сталина, великого строителя народного счастья.

Кончина его является тяжким горем для нашего Отечества, для всех народов, населяющих его. Его кончину с глубокой скорбью переживает вся Русская Православная Церковь, которая никогда не забудет его благожелательного отношения к нуждам церковным.

Светлая память о нем будет неизгладимо жить в сердцах наших. С особым чувством неперестающей любви Церковь наша возлагает ему вечную память.

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси.

Что о нем писали и говорили

которому даже я, воспитанный в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государства всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, логически осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения.

ее оснащенной атомным оружием”.

У. ЧЕРЧИЛЛЬ. Из выступления в Палате общин в связи с 80-летием И.В. Сталина

“Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним одно удовольствие. Он излагает вопрос, который хочется обсудить и никуда не отклоняться”.

Ф.Д. РУЗВЕЛЬТ

“Глубокие знания, фантастическая способность вникать в детали, живость ума и поразительно тонкое понимание чело-

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЖДА

Из воспоминаний помощника коменданта дач в Волынском (Кунцевская) Петра ЛОЗГАЧЕВА

“28 февраля на 1 марта на ближней даче* дежурили Хрусталева, Лозгачев, Туков и Бутусова**. Сталин приехал на дачу в Кунцево около 24 часов. Вскоре приехали Л. Берия, Г. Маленков, Н. Хрущев и Н. Булганин. Мы подали на стол только один виноградный сок. Что касается фруктов, то они всегда находились в вазах на столе. В пятом часу утра гости уехали. Прикрепленный полковник Хрусталева закрыл двери. Хрусталева сказал, что, якобы, Сталин сказал ему: ложитесь спать все, мне ничего не надо, вы не понадобитесь. Мы действительно легли спать, чем были очень довольны. Проспали до 10 часов утра.

Что делал Хрусталева с 5 часов утра до 10 часов утра, мы не знаем.

В 10 часов утра его сменил другой прикрепленный М. Старостин. Утром все мы взялись каждый за свое дело. Тем временем, произошла сменная смена личной охраны Сталина. Обычно Сталин вставал в 10–11 часов. Я смотрю, уже 12 часов, а движения в комнатах Сталина нет.

Постепенно ближайшие к Сталину люди из охраны стали волноваться и теряться в догадках: почему Сталин не встает, никого к себе не вызывает.

В 16 часов Старостин говорит: “Что будете делать?”

Обычно я входил с корреспонденцией к Сталину, когда замечал, что он уже встал. Сидим в служебном кабинете и думаем: что же делать. Дождели до 6 часов вечера, а движения в комнатах Сталина все нет. Я говорю Старостину: “Иди ты, как начальник охраны”. Старостин отвечает: “Я боюсь***, иди ты с пакетами” (в мою обязанность входило приносить Сталину полученную корреспонденцию).

Наконец, в 18 ч. 30 минут в комнате у Сталина появилось электроосвещение. Все с облегчением вздохнули. И все же время шло, а Сталин никого не вызывал.

В 22.30 пришла почта на имя Сталина. Тут я использовал момент. Забрал от нарочного почту и решительным, твердым шагом направился к Сталину. Прошел одну комнату, заглянул в ванную комнату, осмотрел большой зал, но Сталина ни там, ни тут не было. Уже вышел из большого зала в коридор и обратил внимание на открытую дверь в малую столовую, из которой просвечивалась полка электроосвещения. Заглянул туда и увидел перед собой трагическую картину. Сталин лежал на ковре около стола, как бы облокотившись на руку. Я оцепенел. Покушение, отравление, инсульт?

Быстро побежал к нему: “Что с вами, товарищ Сталин?” В ответ услышал “дз” и больше ничего. На полу валялись карманные часы 1-го часового завода, газета “Правда”, на столе бутылка минеральной воды и стакан. Я быстро по домофону вызвал Старостина, Тукова и Бутусова. Они прибежали и спросили: “Товарищ Сталин, вас положить на кушетку?”

Как показалось, он кивнул головой. Положили, но она мала. Возникла необходимость перенести его на диван в большой зал. Все четверо понесли товарища Сталина в большой зал. Видно было, что он уже озяб в одной нижней солдатской рубашке. Видимо, он лежал в полусознательном состоянии с 19 часов, постепенно теряя сознание.

Сталина положили на диван и укрыли пледом.

Срочно позвонили министру Государственной безопасности С. Игнатьеву. Он был не из храбрых и адресовал Старостина к Берии. Позвонили Г. Маленкову и изложили тяжелое состояние Сталина. В ответ Георгий Максимилианович пробормотал что-то невнятное и положил трубку. Через час позвонил сам Маленков и ответил Старостину: “Берия у нас не нашел, ищите его сами”.

Старостин бежит и шумит: “Звони, Лозгачев”. А кому звонить, когда уже все знают о болезни Сталина. Еще через час позвонил уже сам Берия: “О болезни товарища Сталина никому не звоните и не говорите”. Так же мигмом положил трубку.

Я остался один у постели больного. Обида от беспомощности перехватила горло и душили слезы. А врачей все нет и нет. В 3 часа ночи зашуршала машина у дачи. Я полагал, что это врачи приехали, но с появлением Берии и Маленкова надежда на медицинскую помощь лопнула. Берия, задрал голову, поблескивая пенсне, прогromыхал в зал к Сталину, который по-прежнему лежал под пледом вблизи камина. У Маленкова скрипели новые ботинки. Он их снял в коридоре, взял подмышку и зашел к Сталину. Встали поодаль от больного Сталина, который по роду заболевания захрипел.

Берия: “Что, Лозгачев, наводишь панику и шум? Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Нас не тревожь и товарища Сталина не беспокожь”.

Постояли соратники и удалились из зала, хотя я им доказывал, что товарищ Сталин тяжело болен. Тут я понял, что налицо предательство Берии, Маленкова, мечтающих о скорой смерти товарища Сталина.

Снова я остался один у больного Сталина. Каждая минута тянулась не менее часа. Часы пробили 4, 5, 6, 7 утра, а медпомощи и признаков не видно.

В 7.30 приехал Н. Хрущев и сказал: “Скоро приедут врачи”. В 9 часов 2 марта прибыли врачи, среди которых были Лукомский, Мясников, Тареев и др. Начали осматривать Сталина. Руки у них тряслись. Пришлось помочь разрезать рубашку на товарище Сталине.

Осмотрели. Установили кровоизлияние в мозг. Приступили к лечению. Ставили пиявки, подавали больному кислород из подушки.

Так больной Сталин больше полусуток пролежал без медицинской помощи.

* Дача в Волынском возле Кунцева. Фактически квартира Сталина, в которой он находился большую часть времени.

** Сотрудники личной охраны Сталина (из так называемой “девятки”).

*** Входить в комнаты Сталина без вызова категорически воспрещалось.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Из воспоминаний действительного члена Академии наук, профессора А. Л. МЯСНИКОВА

“Вызвали поздно вечером 2 марта 1953 г. Как выглядел Сталин: коротковатый и толстоватый, лицо перекошено, правые конечности лежали как плети. Он тяжело дышал, периодически то тише, то сильнее (дыхание Чейн-стока). Кровяное давление 210–110. Мерцательная аритмия, лейкоцитоз до 17000. Была высокая температура — 38° с долями. При прослушивании и выстукивании сердца особых отклонений не отмечалось, в боковых и передних отделах легких ничего патологического не определялось.

Диагноз: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза. Каждый из нас нес свои часы у постели больного. Постоянно находился при больном кто-нибудь из Политбюро ЦК — чаще всего Ворошилов, Каганович, Булганин, Микоян.

Третьего утром консилиум должен был дать ответ на вопрос Маленкова о прогнозе. Ответ наш мог быть только отрицательным — смерть неизбежна. Маленков дал нам понять, что он ожидал такого заключения...

Необходимо отметить, что до своей болезни — последние, по-видимому, три года — Сталин не обращался к врачам за медпомощью, во всяком случае, так сказал н-к Лечсанупра Кремля.

В Москве он, видимо, избегал медицины. На его большой даче в Кунцево не было даже аптечки с первыми необходимыми средствами, не было, между прочим, даже нитроглицерина, и если бы у него случился припадок грудной жабы, он мог бы умереть от спазма, который устраняется двумя каплями лекарства. С каких пор у него гипертония — тоже никто не знал (и он ее никогда не лечил).

Сталин дышал тяжело, иногда стонал. Только на один короткий миг показалось, что он осмысленным взглядом обвел окружающих его. Тогда Ворошилов склонился над ним и сказал: “Товарищ Сталин, мы все здесь твои верные друзья и соратники. Как ты себя чувствуешь, дорогой?”

Но взгляд уже ничего не выражал. (...) Ночью много раз казалось, что он умирает.

На следующее утро, четвертого, кому-то пришла в голову идея, нет ли добавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы пришла молоденькая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: “Да, инфаркт”.

Переполюх. Уже в деле врачей фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда у погубленных-де ими руководителей государства.

Теперь, вероятно, мы... Ведь до сих пор мы в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта. А они уже известны всему миру. Жаловаться на боль, столь характерный симптом инфаркта, Сталин, будучи без сознания, естественно не мог. Лейкоцитоз и повышенная температура могли говорить и в пользу инфаркта.

Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило — как его объяснить?

Для поддержки падающего давления непрерывно вводили различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках. (...) Дежурил от ЦК Н. А. Булганин... Стоя у дивана, он обратился ко мне: “Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?” Я ответил: “Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера — в связи с гипертонией и инсультом”. (...) Весь день пятого мы что-то впрыскивали, писали дневники, составляли бюллетени. (...)

Объяснение желудочно-кишечных кровоизлияний записано в дневнике и вошло в подробный эпикриз, составленный в конце дня, когда больной еще дышал, но смерть ожидалась с часу на час. (...) Наконец, она наступила в 21 час 50 минут 5 марта...

Шестого марта в 11–12 часов дня на Садовой-Триумфальной во флигеле во дворе здания, которое занимает кафедра биохимии 1-го МОЛМИ, состоялось вскрытие тела Сталина. Присутствовали из состава консилиума только я и Лукомский. (...) Вскрывал А. Н. Струнов, профессор 1-го МОЛМИ, присутствовал Н. Н. Аничков (президент АМН), биохимик профессор С. Р. Мардашев, который должен был труп бальзамировать, патологоанатомы: проф. Скворцов, Мигунов, Русаков.

По ходу вскрытия мы, конечно, беспокоились — что с сердцем? Откуда кровавая рвота? Все подтвердилось. Инфаркта не оказалось (были найдены лишь очаги кровоизлияний).

Его похороны превратились в дни всенародной скорби. Кинохроника того времени запечатлела горько плачущих мужчин и женщин на траурных митингах, которые проходили по всей стране. В Москву со всех концов необъятной Родины ехали люди на похороны своего любимого вождя. Город не мог вместить десятки миллионов желающих почтить своим присутствием светлую память И. В. Сталина. Вынуждены были запретить продажу билетов на Москву на поезда и самолеты. А люди шли пешком, добирались до столицы на попутных машинах. Неиссякаемым потоком шли советские люди в Колонный зал Дома Союзов, чтобы проститься с умершим Сталиным.

Пройдет какое-то время, вновь возродится великий Советский Союз, сбудутся сокровенные мечты людей труда о светлом обществе — коммунизме и навсегда сохранится благородный образ Иосифа Виссарионовича Сталина, вся жизнь которого была посвящена борьбе за счастье трудящихся.

Сталин — достойный продолжатель дела Ленина. Сегодня имя Сталина — символ мужества, символ славы и свободы советского народа, призыв к освобождению Родины от жалких уголовников, к новым героическим делам на благо нашей великой страны.

По книге В. ЖУХРАЯ “СТАЛИН. ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ”